

А. П. Бондин, писатель-рабочий, как явление в уральской литературе 30-х гг. XX в.

С. П. Постников

Институт истории и археологии УрО РАН

Ярким примером призыва рабочих в литературу можно считать биографию рабочего, ставшего уральским писателем, – Алексея Петровича Бондина. А. П. Бондин, писатель-рабочий, был своеобразным явлением в уральской литературе 30-х гг. XX в. Его творческий путь (литератора с 1923 г. и профессионального писателя с 1932 г.) был неразрывно связан с судьбой обыкновенного рабочего: слесаря, старшего слесаря, бригадира в Нижнем Тагиле в 1897–1932 гг., современника и активного участника бурных событий и противоречивых процессов, происходивших в России в первой трети двадцатого столетия – от предгрозовых лет начала 1900-х до первых пятилеток советской эпохи. Разумеется, в центре внимания пролетарского писателя был человек труда, рабочий, со всеми его жизненными катаклизмами, особым восприятием жизни, своеобразным бытом, культурой и менталитетом.

Творчество А. П. Бондина получило сравнительно широкое отражение в литературоведении Урала¹. Однако анализ его творческого наследия, как исследователя облика уральских рабочих, требует новой оценки и определенного переосмысления. Перу А. П. Бондина принадлежит несколько произведений, частично или полностью посвященных рабочей тематике. Это повести и романы «Моя школа», «Лога», «Матвей Коренистов», «Ольга Ермолаевна», «Связчики».

В автобиографической повести «Моя школа» А. П. Бондин показал историю формирования личности в условиях предреволюционной эпохи; труд и быт уральских рабочих на рубеже XIX–XX вв. Автор, описывая дореволюционное прошлое, не скрывает своей ненависти к трудному и нищему детству и юношеству. Отсюда, возможно, следует тот факт, что в повести фактически нет положительных героев. Даже лидер сормовских рабочих П. Заломов выражает, как правило, банальные идеи, выхваченные из отдельных

прокламаций. Стремление к правдивому изображению событий приводит к неожиданным для самого автора зарисовкам. Хрестоматийный герой П. Заломов вместе со своим окружением подготовил и организовал первомайскую демонстрацию так, что, по сути, внес раскол в рабочее движение. Демонстрация рабочих не достигла поставленных целей, закончилась разгоном и новыми увольнениями рабочих с завода.

Да и главный герой повести – Алексей Бондин – участвует в «революционном движении» скорее бессознательно, вовлекаясь в него стихийно, волей случая или под давлением конкретных жизненных обстоятельств. Характерно, что многие персонажи повести, которым автор симпатизирует, заканчивают свою жизнь трагично: «изобретатель» спивается и залезает в петлю, а «настоящий пролетарий» убивает в драке прямо на заводе такого же пролетария, только несимпатичного автору.

Скитания автора по многим заводам Урала в первые годы XX в. закономерно сделали объектом его внимания тот слой рабочих, который повторял собственную бондинскую судьбу. Это был слой «пришлых» рабочих, бездомных пролетариев. А. П. Бондин удивительно метко и глубоко показал такие черты социального слоя «пришлых» уральских пролетариев, характеризующие их социокультурный облик, как правовой нигилизм, ненависть к хозяевам и инженерам-управляющим и в то же время боязнь лишиться работы, распространение стихийного атеизма. При этом Бондин не осуждает процветавшее на заводе воровство «хозяйского добра» и даже сам в этом участвует под предлогом помощи «изобретателю», строившему «чудо-машину». Обычный рабочий, по мнению автора, безразличен к заводскому имуществу. Об этом убедительно свидетельствует сценка о пожаре на демидовском заводе: почти никто не переживал, что гибнет оборудование и сырье, не задумываясь, что сокращение объемов производства на предприятии в результате пожара приведет к новым увольнениям рабочих.

Существовали ли другие рабочие? В повести «Матвей Коренистов» А. П. Бондин сделал попытку показать трудный процесс перевоплощения личности кадрового рабочего в первые пятнадцать лет советской власти. Герой повести Матвей Коренистов, воспи-

танный на патриархальных традициях, с трудом воспринимает новую послереволюционную жизнь. Революцию он встретил мрачным раздумьем: «Что это?» Матвей не мог понять, что происходило на Урале. Он только заметил, что жизнь на производстве потеряла стройность. В людях появилась какая-то растерянность, небрежность к своим обязанностям, и ему стало жаль добра, которое начали растаскивать.

Постепенно под влиянием разрушения патриархального уклада жизни Матвей Коренистов меняется: шире становится его кругозор, более терпимым отношение к неверующим в Бога, лояльным отношение к новой власти. Но самое парадоксальное заключается в том, что, всю жизнь (как до революции, так и после нее) добросовестно исполняя свои служебные обязанности, Матвей Коренистов никогда не считал себя передовиком производства, однако стал им, получив высокую правительственную награду – орден Красного Знамени.

Непроизвольно напрашивается следующее суждение: чтобы стать знатным рабочим-передовиком, при советской власти достаточно было честно и квалифицированно выполнять свои прямые обязанности, тем самым отличаясь от поведения на производстве основной массы рабочих. Получается, что внутри рабочего класса существовали весьма различные социальные группы рабочих. Вряд ли вывод читателя совпадал с замыслом автора. Во второй половине 1930-х гг. главным содержанием бондинских повестей становится изображение духовного возмужания человека из рабочей среды с использованием социальных, этнографических и фольклорных мотивов. Бондин оказался в числе немногих писателей пролетарского призыва, сумевших преодолеть приземленность бытовизма².

В целом «призыв» почти 600 рабочих Урала в региональную литературу за 20–30-е гг. XX в. привел к созданию местных писательских кружков, журналов, росту интереса небольшой части рабочих к литературному творчеству. Однако в силу отсутствия таланта, а то и просто невысокого общеобразовательного и культурного уровня очень немногие рабочие Урала (менее 10) стали писателями-профессионалами³.

В масштабах всей страны анализ состава и творчества 10 тыс. рабочих, откликнувшихся на призыв рабочих-ударников в литературу РАПП в октябре 1930 г. (в том числе 400 на Урале) показывает следующее. На призыв пополнить ряды литераторов откликнулись, прежде всего, рабкоровские кадры. Первые литературные опыты рабочих-ударников обычно выходили в издательстве ВЦСПС и представляли собой небольшие книжки о жизни завода, фабрики, о борьбе за промфинплан, о трудностях и успехах. Они были документальны, построены на цифрах, протоколах, выдержках из стенгазет, заводских многотиражках. Общей чертой творчества являлась его острая классовая направленность. В нем было много слабого, поверхностного, схематического, подражательского. Видя в литературе главным образом ее политико-просветительное и агитационное значение, «рапповцы» упрощенно представляли себе процесс формирования писателя. Сама по себе нужная идея пополнения рядов художественной интеллигенции из рядов рабочей среды была извращена⁴. «Призыв ударников в литературу» превратился в кампанию, где возобладал бюрократический подход, приведший к погоне за количественными показателями. Качество произведений пролетарских писателей было низким, так как многие рабочие не имели не только литературного таланта, но зачастую и элементарной грамотности⁵.

¹ А. П. Бондин: Сб. воспоминаний о писателе. Свердловск, 1957; *Боголюбов К. Писатель-рабочий* // Бондин А. П. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Предисловие. Свердловск, 1948; *Он же. Годы и встречи.* Свердловск, 1975; *Боровинский М. Т. Писатель горьковской школы* // Урал. 1982. № 8; А. П. Бондин // Литература Урала: Очерки и портреты. Екатеринбург, 1998.

² См.: Литература Урала: Очерки и портреты. С. 235.

³ См.: *Андрианова Г. С. Художественная интеллигенция Урала в 30-е годы.* Свердловск, 1992. С. 22; *Культурная революция на Урале.* Свердловск, 1966. С. 93.

⁴ См.: *Пинегина Л. А. Рабочий класс и художественная культура.* Л., 1984. С. 150–152.

⁵ См.: *Калистратов Ю. К. Рабочий класс и советская культура в 20–30-е гг.* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1998. С. 38.